

Жизнь человека
на ветру
Даниил Хармс

ВАЛЕРИЙ
ШУБИНСКИЙ

Даниил Хармс

Жизнь человека
на ветру

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8
Ш95

На фронтисписе — фотография Даниила Хармса, 1925 г.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Шубинский, Валерий.

Ш95 Даниил Хармс. Жизнь человека на ветру / ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ. — Москва : АСТ: CORPUS, 2024. — 576 с. — (Автор как персонаж).

ISBN 978-5-17-162365-4

Даниил Хармс (Ювачев; 1905–1942) — одна из ключевых фигур отечественной словесности прошлого века, крупнейший представитель российского и мирового авангарда 1920-х–1930-х годов, известный детский писатель, человек, чьи облик и образ жизни рождали легенды и анекдоты. Биография Д. Хармса написана на основе его собственных дневников и записей, воспоминаний близких ему людей, а также архивных материалов и содержит ряд новых фактов, касающихся писателя и его семьи. Героями книги стали соратники Хармса по ОБЭРИУ (“Объединение реального искусства”) — Александр Введенский, Николай Олейников и Николай Заболоцкий и его интеллектуальные собеседники — философы Яков Друскин и Леонид Липавский. Среди более чем двух сотен иллюстраций — воспроизведение рисунков, фотографий Хармса и его современников. Многие уникальные документы Валерий Шубинский опубликовал впервые.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус) 6-8

ISBN 978-5-17-162365-4

© В. Шубинский, 2008, 2015, 2024
© А. Бондаренко, художественное оформление, 2024
© ООО “Издательство АСТ”, 2024
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Предисловие	7
Глава первая. Я родился дважды	11
Глава вторая. Чинарь-взиральник	82
Глава третья. Три левых года	165
Глава четвертая. Под знаком Ежа и Чижа	244
Глава пятая. Даниил во рву львином	294
Глава шестая. Равновесие с небольшой погрешностью	359
Глава седьмая. Время еще более ужасное	449
Глава восьмая. Представление наше кончается	490
Заключение	533
Библиография	541
Указатель упоминаемых лиц	549
К иллюстрациям	573
Об авторе этой книги	574

Светлой п мяти Н. В. Г.-Д.

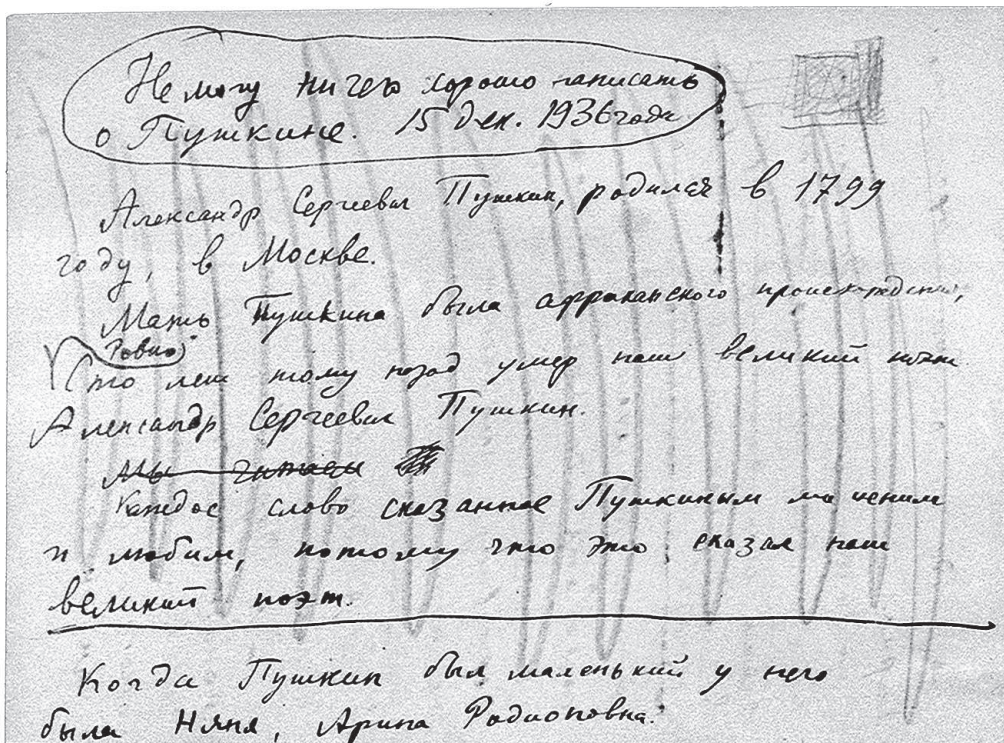
Предисловие

В конце 1936 — начале 1937 года Хармс начал писать для журнала “Чиж” очерк о Пушкине к столетию его смерти. Это была обычная “халтурка” для заработка. Вероятно, писатель взялся за нее без отвращения: творчество, личность, судьба Пушкина всегда были ему близки. Рассказ строился в форме разговора с маленьким племянником Кириллом.

Дядя рассказывает мальчику, что “сначала Пушкин был маленьким, как и все люди, а потом вырос и стал большим”, что “маленький Пушкин говорил по-французски так же хорошо, как по-русски, прочитал много французских книг и начал сам писать французские стихи”, что учился он в лучшей тогдашней школе — в Лицее... Шла речь и о том, как Пушкин писал: “...Иногда стихи ему не удавались. Тогда он кусал от досады карандаш, зачеркивал слова и надписывал их вновь, исправлял стихи и переписывал их несколько раз. Но когда стихи были готовы, они получались такие легкие и свободные, что казалось, будто Пушкин написал их безо всякого труда”¹.

Во всех этих общеизвестных фактах Хармс, без сомнения, чувствовал родственное себе. И все же что-то мешало ему. Он несколько раз переписывал начало и не был им доволен. В конце концов он едва добрался до державинского “благословения” и, скомкав финал, наскоро завершил очерк. “Чиж”, как видно, забраковал работу. Там был напечатан другой очерк, должно быть,

¹ Произведения Даниила Хармса цитируются по следующим изданиям: Хармс Д.И. *Полное собрание сочинений*: В 4 т. / Сост., подгот. текста и примеч. В.Н. Сажина. СПб.: Акад. проект, 1997; Хармс Д.И. *Неизданный Хармс: Полн. собр. сочинений: Тр кт ты и ст тыи. Письм*. Доп. к т. 1–3. СПб.: Акад. проект, 2001; Хармс Д.И. *3 писные книжки. Дневник*: В 2 кн. СПб.: Акад. проект, 2002. (Полное собрание сочинений); Хармс Д.И. *Дней к тыбр: избр. стихотворения. Поэмы. Др м. произведения* / Сост., вступ. статья и примеч. М. Мейлаха. Подгот. текста М. Мейлаха и В. Эрля. М.; Кайенна: Гилея, 1999; Хармс Д.И. *Случ и и вещи* / Сост. и примеч. А. Дмитриенко и В. Эрля. СПб.: Вита Нова, 2004. В большинстве случаев орфография и пунктуация приведены в соответствие с новейшими нормами.

Очерк Даниила Хармса о Пушкине. Первая страница чернового автографа,
15 декабря 1936 г.

результат коллективного труда, в котором были использованы отдельные фразы из текста Хармса.

А с его пера стали вдруг сходить совсем, совсем другие “рассказы о Пушкине” — смешные и абсурдные, сегодня общеизвестные.

Что же случилось? Почему у первоклассного писателя не получился легкий халтурный текст на, казалось бы, близкую ему тему?

В тридцатые годы жанр биографии был модным, ему отдали дань многие писатели, знакомые с Хармсом, — Каверин, Шкловский, не говоря уж о Тынянове. Они писали о людях давно ушедшего времени, чья жизнь зачастую была трудной и драматичной. Однако трагические события жизни Пушкина и его друзей, к примеру Кюхельбекера, были результатом их поступков, следствием их характеров. Люди, жившие в России после 1917 года, с каждым годом все больше зависели от внешних обстоятельств. Те, кто был старше, еще помнили другие дни. Кто-то из них “топорщился”, пытаясь спорить с эпохой, как Мандельштам. Кто-то пытался договориться с ней на равных, как

Пастернак. Кто-то шел к ней на службу, до конца жизни сохраняя иллюзию, что действует по личному выбору, как Маяковский или Мейерхольд.

Но никаких иллюзий не могло быть у человека поколения и склада Хармса. Не считая, может быть, очень короткого периода в юности (между 1926 и 1930 годами, в дни “Радикса” и ОБЭРИУ), он не вел сколько-нибудь активной публичной жизни, не совершал значимых для окружающих поступков и не пытался их совершить: с ним, как и с другими, происходили те или иные события, а сам он был лишь “игралом неведомой игры”. Трудно, к примеру, представить себе Хармса, пытающегося поговорить с Отцом Народов “о жизни и смерти”, подписывающего (или отказывающегося подписать) коллективные письма общественного содержания. И вовсе не из-за патологической интравертивности: в иных ситуациях Даниил Иванович был человеком достаточно общительным, порою даже стремился играть роль организатора. В более благоприятные времена эти попытки были бы, возможно, удачны. Но Хармсу довелось жить в эпоху, которой он был чужд по духу, и с годами это отчуждение все возрастало. Единственное, что он мог себе позволить (и позволял), — это театрализовать свою пассивность, превратить свое аутсайдерство в форму высокой клоунады.

При этом он продолжал иногда говорить с друзьями о том, что было для него по-настоящему важно, а главное, продолжал писать “в стол” — что и было единственно возможным поступком. В сущности, биография зрелого Хармса сводится к описанию его творчества, его мыслей и разговоров — и того причудливого зрелища, в которое он старался превратить свое каждодневное существование.

Поэтому ему было трудно писать про людей, у которых была биография в старом понимании. И поэтому так трудно сегодня писать о нем..

Работа над этой книгой — еще одно звено в череде множества исследований и публикаций, посвященных Хармсу. Имена некоторых из многочисленных историков литературы, заложивших основы хармсоведения, и их еще более многочисленных последователей и продолжателей, упомянуты в заключительной главе. Без их трудов создание биографии Хармса было бы, разумеется, невозможно. Большую и ценную помощь в работе над книгой оказали Н.М. Кавин, Е.Н. Строганова, К.В. Грицын, Н.К. Бойко, М.К. Махортова, предоставившие автору ценные неопубликованные материалы. Отдельная благодарность редакторам первого издания книги, А.Л. Дмитренко и В.И. Эрлю.

Первое издание книги было посвящено Н. В. Г.-Д. К сожалению, формулировку этого посвящения приходится изменить.

Даниил Ювачев. Фотоателье А.И. Денъера (Невский пр., 19), ок. 1912 г.

Глава первая

Я родился дважды

1 Сто лет назад участок Петербурга между Конной площадью (иначе Казачий плац) и рекой Монастыркой был застроен домами лимонного цвета с треугольными фронтонами, в духе николаевского казарменного ампира, и темно-красными зданиями из необлицованного кирпича — образчиками казенной архитектуры более позднего времени. (Ни площади, ни идущей вдоль нее Константиноградской улицы, ни перпендикулярной к ней Глинской улицы сейчас нет на карте города, но на территории занявшего их место Котлотурбинного института сохранились некоторые из этих невеселого вида построек.)

Окна многих из них были затянуты решетками. Здесь были Арестный дом, пересыльная тюрьма, тюремная больница... Одно из этих тюремных зданий, волей судьбы оставшееся по ту сторону институтской стены (в тупичке, которым заканчивается сейчас Миргородская улица), и по сей день используется по назначению. А прямо напротив, за стеной, виден верхний, третий, этаж длинного дома в “кирпичном стиле”. Об этом доме — когда-то №1 по Глинской улице — и пойдет сейчас речь.

Дело в том, что кроме тюрем, кроме Атаманского казачьего полка (по которому плац получил свое название) в этом забытом Богом уголке столицы, куда редко ступала нога случайного пешехода, располагались еще и благотворительные учреждения, имевшие отношение к тюремному ведомству. В их числе были Приют для арестантских детей и Убежище для женщин, вышедших из тюрем Санкт-Петербурга.

Оно и находилось в доме номер 1 по Глинской улице; в ведении Убежища было еще два дома, до нас не дошедших. Приют носил имя известного благотворителя принца Петра Георгиевича Ольденбургского, сына великой княгини Екатерины Павловны; убежище (как и другие учреждения Дамского благотворительного тюремного комитета) состояло под покровительством

его невестки, принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской (1845–1928), урожденной герцогини Лейхтенбергской. Евгения Максимилиановна была дочерью великой княгини Марии Николаевны и ее супруга, герцога Максимилиана Лейхтенбергского. (Если имя матери сохранилось в названии Мариинского дворца и Мариинского театра, то памятником рано умершему отцу стала Максимилиановская больница, основанная, как и целый ряд других богоугодных заведений и школ, рачением дочери-филантропки.)

Когда в 1872 году Убежище на Глинской было учреждено, цели его формулировались так:

Немало женщин, содержащихся в местах заключения, подверглись наказанию за преступления, совершенные ими вследствие недостатка средств к существованию и бедственного положения. Труднее еще становится положение выходящих из тюрьмы, без всяких средств существования, без приюта, встречающих в обществе не только равнодушие и недоверие, но и презрительный отказ от предложения услуг и работы. Такая отверженная, не имея возможности приобрести кусок хлеба честным путем... вновь впадает в преступление или становится на путь разврата. В эту минуту помощь, как нравственная, так и материальная, становится для нее совершенно необходимой¹.

В 1898 году в Убежище содержалось единовременно до восьмидесяти женщин. За год через Убежище прошло сто двадцать человек². Вместе с некоторыми из женщин в Убежище содержались их маленькие дети. Годовой бюджет составлял 25 866 рублей, которые лишь частично погашались из средств благотворителей. Женщины сами зарабатывали себе на жизнь — занимались шитьем, стирали белье на заказ в устроенной при Убежище паровой прачечной. Половина заработка шла на общие нужды Убежища, остальное откладывалось на личный счет каждой из его обитательниц. Два часа в день занимали школьные занятия (Закон Божий, чтение, письмо, арифметика, “важнейшие сведения из истории России”). В течение полугода администрация Убежища подыскивала каждой из “несчастных” службу. Та вольна была принять предложение или отвергнуть его, но Убежище в любом случае покидала.

Трудно сказать, насколько эффективно работала эта система, успешно ли адаптировались недавние заключенные в вольной жизни. Но принцесса и ее помощницы, непосредственно организовывавшие Убежище, в любом случае делали дело полезное и важное. Весь район Конной площади напоминал царство мертвых. Ведь арест, осуждение — это и гражданская смерть. За рекой Монастыркой видны были клюквенно-красные, украшенные узор-

1 “Убежище для женщин, выходящих из тюрем Санкт-Петербурга”. СПб., 1872. С. 1–2.

2 “Благотворительные учреждения Российской Империи”. СПб., 1898. С. 671, 708.

Здание бывшего Убежища для женщин, вышедших из мест заключения, которым в 1900–1918 гг. заведовала Надежда Ювачева. Ныне — территория Котлотурбинного института им. И.И. Ползунова. Вид со стороны бывшей Глинской улицы.
Фотография М. Захаренковой, 18 апреля 2008 г.

чатой барочной лепниной и окруженные зелеными садами корпуса Александро-Невской лавры. Монах тоже, как считается, умирает для мирской жизни. Но это другая смерть, добровольная и, по идее, радостная. Река как будто разделяла два загробных мира — райский сад и неказистый ад, пропахший городской пылью и навозом казачьих лошадей. Но именно отсюда дамы-благотворительницы пытались открыть женщинам, попавшим в тюрьму за мелкую кражу или за убийство незаконного ребенка (вряд ли среди них были матери рецидивистки), дорогу обратно в мир живых — к новому, скром-

ному, может быть даже убогому, но все же нормальному, сколько-нибудь человеческому существованию.

В первые годы XX века Убежище возглавила Надежда Ивановна Колюбакина.

Дворянский род Колюбакиных, согласно родословной (выдуманной, скорее всего), происходил от некоего Францбека, сына властителя Флоренции. Точные сведения начинаются с Петровской эпохи. В 1722 году, во время Персидского похода, первый император роздал земли в Хвалынском уезде Саратовской губернии многочисленным служилым людям, среди которых были и Колюбакины. В конце XVIII века одна из деревень под Саратовом называлась Колюбаковка. Впоследствии эта деревня и несколько соседних слились в большое село Дворянская Терешка (ныне рабочий поселок Радищево). Именно там 29 сентября 1869 года Надежда Ивановна появилась на свет в семье Ивана Никитича Колюбакина, помещика, губернского секретаря, служащего в Хвалынской земской управе, и Варвары Сергеевны Богданович (по матери Рознатовской). В Дворянской Терешке сохранился дом Колюбакиных, на кладбище — семейный склеп.

В 13-летнем возрасте Надежда Ивановна по протекции статс-дамы Елизаветы Алексеевны Нарышкиной была определена в Екатерининский институт благородных девиц, курс которого окончила в 1887 году. С 1890-го она служила в Убежище, сперва — в качестве заведующей паровой прачечной. Служба эта давала ей не только моральное удовлетворение, не только чувство собственной полезности, но и какой-никакой заработок: семья Колюбакиных была небогатой, и в ней не только братьям, но и сестрам приходилось своим трудом добывать средства к существованию. Так, старшая сестра Надежды Ивановны, Наталья Ивановна, преподавала в гимназии в Царском Селе; среди ее учениц была Аня Горенко. Ну а в случае Нади Колюбакиной были особые причины, заставлявшие ее искать материальной независимости от отцовской семьи. О них — ниже.

Шестнадцатого апреля 1903 года 33-летняя Надежда Колюбакина вышла замуж за 43-летнего Ивана Павловича Ювачева, служащего Управления государственными сберегательными кассами, члена-корреспондента Главной физической обсерватории Академии наук и литератора. Знакомство их состоялось в доме княжны Марии Михайловны (см. ниже) Дондуковой-Корсаковой (1827–1909), дочери адресата беспардонной пушкинской эпиграммы, чистой душой 75-летней энтузиастки, много сделавшей для моральной и физической поддержки политических узников. Ювачев, член Благотворительного тюремного комитета, а в прошлом — сам заключенный и каторжанин, относился к ней с благоговением. К Надежде Ивановне старая княжна испытывала, судя по всему, почти материнские чувства. На Пасху 1902 года будущие супруги Ювачевы похристосовались. С этого пасхального поцелуя и началось их общение.

Скорее можно говорить о влюбленности или увлечении со стороны Надежды Ивановны: она искала встреч с Иваном Павловичем, настойчиво при-

глашала его в гости в Убежище, покупала билеты в Мариинский театр и звала Ювачева с собой, посещала домашние салоны и Религиозно-философские собрания, завсегдаем которых был он (да, те самые собрания, инициаторами которых были Мережковский, Гиппиус, Розанов, а гостями — самые разные люди, вплоть до еще неизвестного Георгия Гапона, с которым Ивану Ювачеву приходилось сталкиваться и в других местах).

Мария Михайловна Дондукова-Корсакова была среди тех, кому Надежда Ивановна поверила свою невеселую женскую тайну. О тайне этой, о драме, пережитой будущей госпожой Ювачевой в молодости, впервые стало известно из письма, написанного ей будущим мужем 8 января 1903 года — в ответ на ее не дошедшее до нас письмо с признаниями.

Дорогая Надежда Ивановна!

Никакая фантазия до этого, что я узнал, не может додуматься...

Прямо страшный факт!

Из письма, положим, не знаешь подробно картины... Вообще не ясно. И даже сомневаешься в своей догадке: да так ли? Вот почему хотелось бы спросить Вас о некоторых подробностях (сколько Вам было лет тогда, под каким влиянием это было сделано, как Вы отнеслись к нему, какие результаты). Что делать, к сожалению, я узнал об этом. И, конечно, лучше знать всю правду, чем давать волю фантазии и подозрениям.

Но позвольте Вам заметить: зачем Вы говорили об этом Владыке¹, Мар<ии> Михайловне и другим! Эту тайну Вы одни должны были знать и схоронить в себе. Раз знают об этом 5 человек, то трудно ручаться, что не будут ее знать 10–20 и больше. Как-никак, а этот факт — пятно на Вашем отце. И выставлять напоказ это пятно не следует. Власть отца над дочерьми громадна. Его судить мы не смеем. Вино чего не сделает! Вы помните библейский пример с Лотом... Но ведь моаветянка Руфь была прабабушкой возлюбленного Давида и праматерью Иисуса Христа. Так что благословение Господне от Вас не отнимется. Напротив, если Вы со смирением перенесете обиду, то Господь воздаст Вам сторицею.

Итак, насколько это Вам возможно, свяжите обетом молчания всех лиц, кому это известно, и больше об этом никому ни слова. На отца не обижайтесь. Какой бы ни был отец — все-таки он отец. И судить человеческие слабости нам нельзя. Разве Вы осуждаете Адама? А ведь он виновник всех наших бед... Да будет во всем воля Божия. Ему Одному ведомы неисповедимые пути, которыми Он нас ведет к спасению.

¹ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский (с 1898 г.) Антоний, в миру А.В. Вадковский (1846–1912), принимал участие в судьбах работниц, живших в Убежище для женщин, чем и объясняется близкое знакомство с ним Н.И. Колобакиной. Упоминается в переписке Ювачева с Колобакиной этого времени.